

Чу Ханьюэ ни на миг не усомнился в его словах. В конце концов, Цинь Фэн был лишь восемнадцатилетним юношей, обычным смертным, еще не прикоснувшимся к таинствам даосизма. Вполне естественно, что, столкнувшись с такой кровавой резней и гибелью стольких людей, он не на шутку перепугался. И всё же Ханьюэ по-прежнему претила подобная близость.

Он холодно отстранил юношу. Ему хотелось подбодрить Цинь Фэна, но когда он заговорил, слова прозвучали совсем не так ласково, как задумывалось:

— В будущем тебя ждут трудности и посерьезнее. Ты не должен позволять подобным мелочам брать над собой верх.

Цинь Фэн, лишившись опоры, так и остался лежать на кровати. Сил у него и так не было, а после сурового напутствия наставника и вовсе расхотелось подниматься.

—...Посерьезнее?

— Именно. Через пару дней начнешь обучаться магическим искусствам, — Чу Ханьюэ достал из-за пазухи книгу. — Пока тебе делать особо нечего, выучи это наизусть. Здесь собраны самые базовые заклинания.

— Наставник, я ведь ранен, — Цинь Фэн с детства терпеть не мог зубрежку.

Обладая врожденным талантом, он, в отличие от прочих, не нуждался ни в чтении заклятий, ни в начертании талисманов — ему достаточно было лишь силы мысли. Магическая энергия подчинялась ему беспрекословно, поэтому он никогда ничего не учил и частенько прогуливал уроки. Кто бы мог подумать, что теперь, ради того чтобы завоевать расположение прекрасного Бессмертного почтенного, ему придется корпеть над свитками. Похоже, от судьбы не уйдешь.

— Я вижу, что ты уже оправился. К тому же, чтобы запомнить пару строк, не обязательно вставать с постели, — Чу Ханьюэ выудил еще один фолиант. — Или тебе этого мало?

— Хватит, вполне хватит, — Цинь Фэн поспешно прижал книгу к груди.

Наверняка в этом и заключалась главная тягота его спуска в мир смертных. Что ж, раз такова доля — придется терпеть.

— Учи прилежно. Завтра проверю, — Чу Ханьюэ, видимо, и сам почувствовал, что перегибает палку, и добавил чуть мягче: — Набирайся сил. Только когда окрепнешь, сможешь научиться чему-то большему.

Цинь Фэн лишь обреченно промолчал.

Последующие дни превратились в сущий кошмар. Чу Ханьюэ ежедневно проверял успехи ученика. Поначалу Цинь Фэн вел себя беспечно, пытаясь отделаться шуточками и ослепительными улыбками, за что не раз получал палкой по рукам. Лишь когда ладони распухли, а его самого в наказание лишили нескольких обедов, дело сдвинулось с мертвой точки.

Едва Цинь Фэн догрыз первую книгу и решил, что наконец свободен, как наставник вручил ему вторую. Над предыдущей он мучился целый месяц, и перспектива новой пытки вызвала у него невыносимую головную боль. Едва стемнело, он отправился в покои Чу Ханьюэ.

Войдя в комнату, он застал того спящим прямо за столом. Цинь Фэн со вздохом потер виски и набросил на плечи учителя одежду.

— Заставляешь меня зубрить ночами, а сам ложишься так рано? Мало того, что спишь наяву, так еще и в мире снов умудряешься дремать. Неужели ты настолько измотан?

Он говорил очень тихо, но Чу Ханьюэ всё же проснулся. В последнее время с ним творилось нечто странное: ему то и дело снились сны, в которых он спит. Даже здесь, в мире сновидений, он ощущал невероятную усталость, хотя, проснувшись в реальности, чувствовал себя вполне бодро.

Сейчас он пришел в себя, но сил не было совершенно. Ханьюэ так и остался лежать на столе, не желая даже открывать глаза.

Цинь Фэн взглянул на него сверху вниз:

— Раз ты так устал — отдыхай. Я пойду.

Его божественные силы еще не восстановились полностью, и долго оставаться в чужом сне было небезопасно. Он уже развернулся, чтобы уйти, но Чу Ханьюэ вдруг ухватил его за рукав.

Цинь Фэн обернулся. Ханьюэ всё так же лежал, не подавая признаков пробуждения. Он накрыл его ладонь своей и присел рядом.

— Хочешь, чтобы я побыл с тобой?

— Бессмертный почтенный пришел... — голос Чу Ханьюэ звучал сонно и хрипло. — Я ложился пораньше каждую ночь, чтобы дождаться вас. Наконец-то дождался.

В реальности Цинь Фэну то и дело доставалось от наставника — тот вечно отчитывал его своим

ледяным тоном. Цинь Фэн уже и забыл, когда в последний раз слышал его голос таким мягким. Сердце в груди пропустило удар. Он осторожно сжал кончики пальцев Ханьюэ:

— Соскучился? Прости, были дела. Отныне я буду приходить чаще.

— Кто по вам соскучился... Я хотел спросить... — Чу Ханьюэ сладко зевнул и, заставив себя сесть, открыл глаза. — Простите. Сам не знаю, почему в последние дни тело такое тяжелое.

Цинь Фэн иронично приподнял бровь. «Утром, когда ты таскал меня за уши и величал ленивым боровом, что-то не было заметно, что ты устал. И когда палкой бил — тоже сил хоть отбавляй было. А как уснул — так сразу занемог».

— Уж не заболел ли ты?

— Как можно заболеть во сне? — Чу Ханьюэ зевал не переставая. Внезапно он приложил ладонь к животу. — Есть хочется.

Цинь Фэна это искренне позабавило.

— Может, мне разбудить тебя, чтобы ты поел по-настоящему?

Ханьюэ испуганно замахал руками:

— Нет-нет, голод только здесь, во сне. Такое уже не раз случалось, ничего страшного. Скоро пройдет.

— Как это — ничего страшного?

Цинь Фэн взмахнул рукой, и на столе из ниоткуда возникла запеченная баранья нога.

— Хватит, чтобы насытиться?

Почуввав аромат мяса, Чу Ханьюэ невольно сглотнул, а в его животе громко заурчало.

— Нет... нельзя. Мне нельзя мясо.

— Это еще почему? — Цинь Фэн ловко отрезал тонкий ломтик и поднес к его губам. — Понюхай, разве не пахнет божественно?

— Нельзя... Правила секты... — Ханьюэ нахмурился и попытался отстраниться. Обычно запах

мяса вызывал у него отторжение, но сегодня слюна так и текла, словно внутри сидел маленький демон и требовал немедленно впиться зубами в сочную плоть.

— Это всего лишь сон, при чем тут правила? — Цинь Фэн снова поднес угощение к его рту, но Чу Ханьюэ закрылся рукой. — Честное слово, это невероятно вкусно. Не попробуешь — сам пожалеешь.

Цинь Фэн перехватил его за запястье, намереваясь убрать руку от лица, но внезапно замер.

Чу Ханьюэ услышал, как тот резко втянул воздух. Заметив, что выражение лица Цинь Фэна стало непривычно серьезным, он хотел было спросить, в чем дело, но Цинь Фэн уже прижал его руку к столу.

Пальцы юноши легли на пульс Ханьюэ. Цинь Фэн нахмурился, и в его взгляде отразилась целая гамма чувств: недоумение сменилось изумлением, затем тревогой, а следом — ликующей радостью.

Чу Ханьюэ не на шутку перепугался:

— Я и впрямь болен? Неужели в мой сон пробралась какая-то нечисть и ранила меня?

<http://bllate.org/book/17570/1658377>